

ПРОШЛОЕ, СОВРЕМЕННОЕ, БУДУЩЕЕ

«Абай» М. Ауэзова и Л. Соболева в Казахском академическом театре драмы

Глубоко и проницательно увидев прошлое — это значит понять современное и заглянуть в будущее. Такая мысль не покидала зрителя, когда на сцене Казахского академического театра драмы оживает героический облик великого казахского поэта, созданный в трагедии «Абай» М. Ауэзова и Л. Соболева и воплощенный в смысловом спектакле, поставленном заслуженным деятелем искусства Казахской ССР Азербайджаном Мамбетьханом.

Новое, современное прочтение истории — вот что делает спектакль «Абай» заметным явлением в культурной жизни Казахстана.

Впервые поставленная в театре казахской драмы в 1940 году трагедия была важной вехой на пути к созданию осмысленно прославленной ныне эпопеи Мухтара Ауэзова «Путь Абая». Драматургами были изображены последние годы жизни Абая, его борьба с феодальной верхушкой и панисламистами.

В середине сороковых годов по либретто М. Ауэзова была создана опера «Абай». В 1949 г. театр драмы осуществил инсценировку по роману. В 1960 году в сборнике рассказов и пьес «Караш-Караш» М. Ауэзова была опубликована переработанная писателем трагедия. Автор перевел ее на казахский язык, ввел много новых действующих лиц, а прежние получили новые имена и новые черты характера. По этому варианту и поставлен нынешний спектакль.

В спектакле о прошлом, в его художественной форме много современного: глубинное проникновение в психологию героев, их интеллектуальность, особый накал трагического пафоса, ощущение духовной силы героя, за которым будущее.

По пути большого реалистического искусства идет режиссер-постановщик А. Мамбетьхан: сохраняя реалистическую достоверность происходящего, он в то же время глубоко чужд бытовому, стремится к обобщениям, к выразительным деталям. Лучшим проектором выхватывается из полумрака лица то одного, то другого актера, привлекает внимание зрителей к глазам героев, озаренным мыслью и чувством.

И театральное условное решение, и современная манера игры актеров, и яркая музыка Газизы Жубановой, свободно вплетающей в мелодию популярные песни Абая, — все это убедительно передает атмосферу прошлого именно с позиций современности и современных реалистических высот советского искусства.

Жизнелюбящее начало трагедии отчетливо звучит в спектакле. Оно воплощается уже в прологе, домысленном режиссером. На высоком холме, погруженный в горестные думы, стоит Абай. И вдруг атаман, говоря словами самого поэта, «зорче степного орла, струны раздвумя в душе тербя», и зажглось в нем светлое ожидание будущего, идущих навстречу неведомых друзей, которые поймут его неустоявшую борьбу «против тысячи». Окрыленный этой мыслью, он идет на встречу по «пути Абая» — легкому тропу, переброшенному со сцены в зрительный зал, словно залитый лучами поднимавшегося солнца.

Режиссер отказался от сцены смерти Абая, и в финале поэт, оплакивая гибель близких по духу людей, словно приподнимается над своим горем, Абай обращается к потомкам со словами приветия и надежды: «Привет... привет передайте им, привет передайте, друзья!».

Так утверждается спектаклем бесмертие поэта, связанного с жизнью народа. Так утверждается социалистический реализм в сценическом воплощении трагедии о прошлом.

Гордый, волевой, героический раз Абай создает заслуженный артист Казахской ССР Идрис Ногайбаев. Он талантливо доносит главного в характере героя — чувство

борца, поэтический гений, жажду приобщить будущее. Все его исполнение — Абай — могол души и поэзии творческих сил. Эта «поэзия» трактовок образа зрелого поэта объективна и разумен.

С подлинной силой драматизма актер проповедует сцены с Керимом, который, надевая личину друга, делал мечту обратный Абая в веру ислама. Как возмущен в этой сцене Абай!

В сцене суда биев актер вносит в свою роль большой драматический заряд, который передает напряженность творческого духа, жизни ума гениального поэта.

Однако надо сказать, что своего героя актер порой слишком заковычивает в бронзу и гранит, слишком христианизмирует. И следовательно иногда обнаруживается холодность, монументализм — холодность.

Глубоко впечатляет образ идейного антипода Абая — исламистского поэта Керима — исполнением на сцене артиста Казахской ССР К. Кармысова. Его игра особенно усиливает идею трагедии о яростной борьбе Абая с панисламистами в конце его жизни.

Керим-Кармысов великолепно перевоплощается то в друга Абая в кругу его учеников, то в его врага. Он расчетливым убийством раскидывает путь к поэту, чтобы увлечь Абая в стан исламистов, заставить звезду его поэзии светить исламу. Он пылок и сдержан, расчетлив, но никогда не труслив. Он протравливает свои цепкие руки к поэзии народного пенна Айдыра, ибо тщельная и зависть его безмерны. Буря чувства бушует в его черном сердце, но внешне он сдержан и нетороплив.

Романтическое мироощущение передает в образе любимца Абая — поэта Айдыра заслуженный артист Казахской ССР Ш. Мусин. Актер сочетает в образе молодого поэта и интеллектуальное, и эмоциональное начало. Особенно выразительны сцены, когда, ободренный лаской Абая, он в поэтическом вдохновении уходит вдали, чтобы остаться наедине с поэзией. Он тактичен и сдержан в присутствии любимого Абая. Он пылок и возмущен в сцене с возлюбленной Айдыра. Гамма чувств обуревает его, когда он узнает о предательстве, о двурушничестве Керима. В сцене смерти цельность его натуры особенно подчеркивается полным отсутствием в игре артиста мелодраматизма.

Великолепный комедийный актер народный артист Казахской ССР С. Кожамкулов, играющий немногословную роль сказочника Баймагмбет, органично вошел в трагическую атмосферу спектакля. В сцене суда биев, играя малайым, он выдает дружеский смех зала. Но его напряженная фигура, его жесты, игра глаз хорошо передают убежденность в правоте Абая.

Заслуженная артистка Казахской ССР Э. Шарипова в роли Карынаш, заслуженная артистка Казахской ССР Б. Ринаева в роли слепой поэтессы Зейнеп, молодые актеры Р. Сейтметов в роли сына Абая Абдрахмана, Т. Тасыбекова в роли его невесты Магши правдиво создают благородные образы духовных наследников Абая, передают светлую возвышенность народного духа.

Сложный характер жены Абая — Акимы — исполняет народная артистка Казахстана А. Букеева.

благородна и величава, от ее облика веет сдержанной силой человека, духовно одаренного, сильной натуры. Она лирична и нежна, как, например, в сцене с Абаем у белой юрты.

Но в то время, когда Абай велел решительную сцену, она несколько отстает от ансамбля, обаяющего одним чувством, позирует, отяжеля вымание от центрального эпизода.

К сожалению, только внешние формы большого мира чуждо, волнующий Ажар — позорку Айдыра, судьба которой послужила завязкой трагических событий, передает народная артистка Казахской ССР Ш. Джандарбекова. В первых сценах она холодна и глаза ее не говорят о высоких волнениях, связанных с обретением и внезапной потерей любимого человека, с борьбой за свое счастье. Эта роль была сценно ответственна в спектакле, но активнее не удалось достичь бурное кинематическое, глубинную внутренних эмоций.

Драматическая коллизия, трагичность спектакля проследил бы еще сильнее, если бы лагерь врагов Абая был показан так же многогранно, как лагерь его друзей. К сожалению, этого не произошло.

Снабдившее исключение здесь — исполнение комедийным актером народным артистом республики С. Телгаревым драматического образа Жиренше. Это он на сцене биев, выступая от имени врагов Абая, призывает прошлое, чтобы познать настоящее и расплатиться в будущем. Ни Жиренше бесспорно остановить хоти

Небольшим драматургическим митералом располагал заслуженный артист Казахской ССР М. Садыкбаев в роли смелого революционера Дютова. Но мастерство актера п

зволит ему показать интеллектуальную жизнь героя.

Настоящей режиссерской удачей представляется создание народной атмосферы, окружающей Абая, своеобразная передача «голоса народа», как бы комментирующего события. Он передан через хор девушек, поющих за сценой песни Абая, сопровождающие сцены, когда Абай идет к народу, когда гибнут его ученики, и т. д.

Следует сказать об одной весьма существенной детали спектакля, оформленного заслуженным деятелем искусств Казахской ССР А. И. Ненашовым. Спектакль удачно оформлен в лаконичном стиле, особенно хороши арка над сценой, сваленная юрта, внутренний вид юрты Абая, где только заисом создан колоритный фон для поэтического созвония. Однако вызывает серьезное возражение в спектакле, где царит условность форм, беззастенчивая в натуральную величину и небрежно поставленная деревенская лестница, дисгармонизирующая своим размером с этой юртой. Главной «предметной» деталью спектакля, символом пути Абая является тропка сцены в зрительный зал. Это, безусловно, создает ощущение простора. По нему в каждом действии приподнимается и уходит поэт и его друзья. Но на него никогда не ступит враг Абая. Керим, мешая лад, останавливается перед ним со словами: «Это не моя дорога». «Вешняя» деталь вырастает в спектакле до большого символа. Но чтобы украсить этот троп, нужно было бы использовать краски самой степи, цвета трав, лучей солнца, «отраженных» в пути, по которому идет Абай.

Трагедия «Абай» М. Ауэзова и Л. Соболева, независимо с большим успехом показавшая казахских артистов на сцене Кремлевского театра в Москве, — несомненно, принципиальное достижение театра. «Абай» прочтены с позиций театрального искусства социалистического реализма, успешно идущего по пути, продолженному великим советским театром К. С. Станиславским.

Е. ЛИЗУНОВА,
кандидат филологических наук.